

УДК 316.7

DOI: 10.34670/AR.2022.57.95.009

Феномен *Erinnerungskultur* в Германии: становление, история развития, актуальное состояние

Мясникова Кира Александровна

Аспирант кафедры немецкого языка и культуры,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
преподаватель кафедры управления культурной политикой,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/1;
e-mail: kiramyasnikova@gmail.com

Аннотация

В данной статье исследуется феномен немецкой культуры памяти (нем. *Erinnerungskultur*): даются наиболее употребительные трактовки понятия *Erinnerungskultur*, представлена краткая история его становления и развития (от ницшеанских представлений об истории, памяти и воспоминаниях, идей о коллективной памяти М. Хальбвакса и социальной памяти А. Варбурга до теории культурной памяти Я. Ассмана и исследований культуры памяти А. Ассман). В статье обозначаются место понятия «культура памяти» в немецкоязычных мемориальных исследованиях (*memory studies*) и основные направления теоретических исследований немецкой мемориальной культуры, рассматривается состояние культуры памяти в общественно-политической жизни современной Германии. Делается вывод о том, что осмысление прошлого в Германии не может быть задачей, реализуемой исключительно научным сообществом, гражданским обществом или политическими организациями и институтами: эта работа ведется на пересечении различных сфер.

Для цитирования в научных исследованиях

Мясникова К.А. Феномен *Erinnerungskultur* в Германии: становление, история развития, актуальное состояние // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 1А. С. 82-92. DOI: 10.34670/AR.2022.57.95.009

Ключевые слова

Исследования памяти, *Erinnerungskultur*, культура памяти, культура исторической памяти, немецкая мемориальная культура.

Введение

Культура памяти (*Erinnerungskultur*) – одно из центральных понятий современных мемориальных исследований (*memory studies*) во всем мире, но для Германии оно имеет особое значение в силу исторических, политических и академических причин. Во второй половине XX в. именно перед немецким обществом встал вопрос, как относиться к своему прошлому, оценивать его, критически воспринимать историю, в том числе события Второй мировой войны. Этот комплекс вопросов сегодня объединяется под общим понятием *Erinnerungskultur*¹ – «культура (исторической) памяти».

Культура памяти не только изначально была напрямую связана с осмыслением немецкой истории, но и как научный концепт сформировалась в немецкоязычной культурологии, хотя нельзя не отметить, что вклад в формирование этого феномена внесли представители не только немецких социально-гуманитарных исследований. Одним из первых ученых, в чьих работах встречается понятие *Erinnerungskultur*, был немецкий культуролог и историк Ян Ассман. В монографии «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» он пишет, что культура памяти – это то, «как общества помнят и как общества через воспоминание “воображают себя”», т. е. «продуцируют собственные воображаемые образы и проносят свою идентичность сквозь смену поколений» [Ассман, 2004, 17].

В узком смысле под культурой памяти подразумевается «собирательное понятие, обозначающее общность неспецифически научных вариантов применения истории в общественной жизни – при помощи различных средств и для разных целей»² [Hockerts, 2002, 41]. Другое определение дала немецкий культуролог Астрид Эрл: она охарактеризовала культуру памяти как «исторически и культурно меняющиеся проявления коллективной памяти»³ [Erll, 2008, 176].

В последние несколько десятилетий – с развитием мемориальных исследований – понимание культуры памяти изменялось: сегодня понятие *Erinnerungskultur* включает не только разные формы коллективной памяти и сознательного вспоминания исторических процессов, событий и личностей, но и «частные» варианты репрезентации истории, т. е. индивидуальные воспоминания, оставившие след в общественной жизни. В качестве носителей культуры памяти, таким образом, могут выступать как индивиды, так и социальные группы, народы и нации [Cornelißen, www].

Как отмечает немецкий историк, профессор современной истории в Университете им. Гете во Франкфурте-на-Майне Кристоф Корнелиссен, современное понимание культуры памяти подчеркивает функциональное использование прошлого и воспоминаний о нем в целях настоящего. Поэтому в качестве предмета исследования культуры памяти рассматриваются

¹ Дословно существительное *Erinnerungskultur* можно перевести как «культура воспоминаний», хотя в русскоязычных научных работах более употребительным является перевод «культура памяти». В русском языке нет однозначного соответствия, которое в полной мере передавало бы то значение, которое несет в себе немецкое *Erinnerungskultur*: среди возможных переводов на русский язык можно встретить варианты «культура памяти» (или «культура исторической памяти»), «культура воспоминаний», «мемориальная культура».

² В оригинале: «...lockerer Sammelbegriff für die Gesamtheit des nicht spezifisch wissenschaftlichen Gebrauchs der Geschichte in der Öffentlichkeit mit den verschiedensten Mitteln und für die verschiedensten Zwecke».

³ В оригинале: «...historisch und kulturell variable Ausprägungen von kollektivem Gedächtnis».

тексты, изображения и фотографии, памятники, мемориалы, музеи, здания, праздники, а также символические формы выражения и мышления, которые вносят вклад в формирование культурно опосредованной картины мира [Ibidem].

Становление концепта *Erinnerungskultur* в мемориальных исследованиях

Долгое время феноменом памяти интересовались преимущественно биологи, нейрофизиологи, психологи, и только с первой трети XX в. вопрос функционирования памяти привлек внимание социально-гуманитарных наук. Интерес к феномену привел к формированию междисциплинарного исследовательского поля, получившего название исследований памяти, мемориальных исследований (*memory studies*) [Бегунова, 2017, 55]. Их концептуальная история начинается с работ Фридриха Ницше, Эмиля Дюркгейма, Мориса Хальбвакса, Аби Варбурга, хотя и до них вопросы запоминания и забывания были частым предметом философско-исторических дискуссий.

Размышления Фридриха Ницше о роли истории и памяти в жизни человека нашли отражение в эссе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874 г.): сравнивая память человека и животного, он проводил разграничение между историческим и неисторическим. Животное существует неисторически и «растворяется в настоящем», поскольку «привязано в своей радости и в своем страдании к столбу мгновения», в то время как человек вынужден «упираться против громадной, все увеличивающейся тяжести прошлого» [Ницше, 2013, т. 1, ч. 2, 89]. Ницше подчеркивает, что для каждого человека и народа необходимо знакомство с собственным прошлым, но оно требуется не просто для чистого познания или созерцания жизни: «...знание прошлого во все времена признавалось желательным только в интересах будущего и настоящего...» [Там же, 110]. Эта идея Ницше во многом соотносится с современным пониманием культуры памяти.

Концепт культуры памяти связан не только с ницшеанскими воззрениями на историю и память, но и с понятием «коллективная память». Этот термин был введен в работе «Социальные рамки памяти» (1925 г.) французским социологом Морисом Хальбваксом, труды которого положили начало направлению *memory studies* в гуманитарных исследованиях. В «Социальных рамках памяти», как и в дальнейших работах, Хальбвакс развивает идею социальной обусловленности памяти, противопоставляя два ее вида – индивидуальную («воспоминания выстраиваются вокруг определенного человека») и коллективную («воспоминания распределяются по большому или малому сообществу, становясь его частичными отображениями») [Хальбвакс, 2005, 8].

Хальбвакс утверждает, что процессы памяти – запоминание, сохранение и воспроизведение воспоминаний – имеют не только физиологическое основание, но и базу в виде социальных установок. Даже индивидуальная память невозможна без социального контекста: «...я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие... моя память опирается на их память» [Хальбвакс, 2007, 28]. Однако Хальбвакс уточняет: термин «коллективная память» не подразумевает, что памятью «обладает» коллектив. По его мнению, память всегда является характеристикой индивида, но формируется в процессе социализации, через коммуникацию и взаимодействие в рамках социальных групп: «Любое воспоминание... соотносится... со всей материальной и нравственной жизнью общества, к которым мы принадлежим или принадлежали раньше» [Там же, 71].

В понимании коллективной памяти и социальных механизмов функционирования памяти Хальбвакса можно найти черты, характеризующие и культуру памяти: 1) внимание не только к индивиду, но и к обществу в процессе формирования памяти и воспоминаний; 2) разграничение понятий «история», «воспоминание» и «память»; 3) идея изменчивости воспоминаний; 4) влияние настоящего на восприятие воспоминаний о прошлом. Хальбвакс подчеркивает, что «...история не просто воспроизводит рассказы современников о событиях прошлого, но время от времени и подправляет их – не только потому, что располагает другими свидетельствами, но и с тем, чтобы приспособить их к приемам мышления и репрезентации, свойственным нынешним людям» [Там же, 209].

В 1920-е гг. интерес к социокультурным аспектам функционирования памяти проявляет и немецкий историк искусства, теоретик культуры Аби Варбург. Его наряду с Хальбваксом называют основателем концепта коллективной/социальной памяти, отмечая междисциплинарность подхода Варбурга. А. Эрл характеризует его как «выдающегося предшественника современной культурологии, ориентированной на междисциплинарность и расширяющей базу своих источников»⁴ [Erl, 2008, 176].

Как и Хальбвакс, Варбург рассматривает память не только как феномен индивидуальный, однако переход от индивидуальной к социальной памяти он совершает посредством символа, который понимается Варбургом как носитель памяти [Warburg, 2000, 4-5]. Одним из важных понятий в теории социальной памяти Варбурга является понятие *Erinnerungsgemeinschaft* (дословно – «сообщество памяти»), под которым он понимает культуру образов и жестов, через которые память получает возможность социально-культурного функционирования.

Разработки Хальбвакса, Варбурга и других исследователей этого периода обозначили первый этап изучения памяти в социально-гуманитарных науках. «Первая волна» *memory studies* подошла к логическому завершению в конце 1930-х – начале 1940-х гг., а новый всплеск научного интереса к вопросам мемориальных исследований пришелся на 1970-1980-е гг.

Представления о культуре памяти развивались и между этими периодами, но не в научном дискурсе, а в общественно-политической среде: важность для послевоенной Германии приобрели понятия «преодоление прошлого» и «проработка прошлого» (*Bewältigung/Aufarbeitung der Vergangenheit*). Выражение «проработка прошлого» впервые употребил немецкий философ и социолог Теодор Адорно в статье «Что значит “проработка прошлого”?» (1963 г.). В ней Адорно поднимает вопрос отношения в ФРГ к нацистскому прошлому: послевоенные десятилетия в Западной Германии показали, что события 1930-1940-х гг. хотят «стереть из памяти» и тем самым «подвести черту» под недавним немецким прошлым [Адорно, 2005, 36]. Согласно Адорно, немецкому обществу требуется не избавиться от прошлого, а всерьез, сознательно «проработать» его, чтобы «чары [прошлого] рассеялись под воздействием ясного сознания» [Там же]. Во многом именно на смену *Aufarbeitung/Bewältigung der Vergangenheit* придет понятие *Erinnerungskultur*, причем, как отмечают немецкие исследователи, «культура памяти» сначала стала предметом общественно-политической дискуссии, а затем – на исходе второй волны *memory studies* (1970-1980-е гг.) – понятие *Erinnerungskultur* вошло в немецкоязычный научный дискурс [Cornelißen, www].

Второй этап мемориальных исследований начался с публикации фундаментальной работы

⁴ В оригинале: «...allgemein als bedeutender Vordenker einer modernen, interdisziplinär orientierten und ihre Quellenbasis erweiternden Kulturwissenschaft».

французского историка Пьера Нора, посвященной «местам памяти» (*lieux de mémoire*). В ней Нора развил идеи Хальбвакса и Варбурга о коллективной/социальной памяти, уделив внимание разграничению памяти и истории, и ввел понятие «места памяти» (места, призванные восполнить образующуюся дистанцию между человеком и его воспоминаниями [Нора, 1999, 17]). «Места памяти» Нора понимает широко – не только в материально-географическом, но и в символическом смысле.

Ко второй «волне» *memory studies* относят также работы Яна Ассмана, посвященные концепту культурной памяти, развившемуся из идей о коллективной памяти Хальбвакса. В основе концепции культурной памяти Яна Ассмана лежит противопоставление индивидуальной и коллективной памяти, однако Ассман не просто разграничивает их, а еще выделяет две разновидности коллективной памяти – культурную и коммуникативную. Они отличаются по содержанию, форме, средствам, носителям, а также временной структуре: коммуникативная память «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым», т. е. «те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [Ассман, 2004, 52]. Культурная память «есть дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты», и отличается от коммуникативной памяти тем, что «направлена на определенные, фиксированные моменты в прошлом» [Там же, 54].

Ассман отмечает следующее: «Хальбвакс как социальный психолог ограничился группой и не стал обобщать свою теорию памяти в направлении теории культуры» [Там же, 48]. Совместно с культурологом Алейдой Ассман, своей супругой, Ян Ассман попытался восполнить этот пробел в концепции коллективной памяти Хальбвакса и создать полноценную культурологическую теорию памяти. В их работах происходит переход от исследования особенностей коллективной памяти по сравнению с памятью индивидов к вопросу о том, как память и воспоминания функционируют в обществах, от каких факторов зависит их восприятие, какие стратегии воспоминания присущи разным обществам и социальным группам. Помимо теоретических оснований исследований памяти и воспоминаний (виды памяти, стратегии воспоминания и забывания, особенности памяти обществ) немецкие исследователи рассматривают частные случаи конкретных культур памяти: Ян Ассман исследует их в исторической перспективе, изучая общества древнейших цивилизаций, а Алейду Ассман интересует формирование культуры памяти в немецкоязычном и европейском пространствах во второй половине XX в.

Феномен *Erinnerungskultur* в современных немецких исследованиях

Алейда Ассман фактически стала ведущим немецким исследователем в области *memory studies*, а также главным специалистом по культуре памяти на сегодняшний день. Она начинала с изучения культурной памяти, но со временем сфера ее научных интересов сместилась в сторону исследования феномена *Erinnerungskultur*, особенно культуры памяти в Германии. В своих работах Ассман подробно останавливается на феномене национальной памяти о событиях Второй мировой войны и отмечает, что сегодня Германия живет в условиях «несвободы последующих поколений от травматического прошлого и невозможности обходиться с ним по своему усмотрению» [Ассман, 2014, 13].

Обращаясь к общетеоретическим основаниям исследований культуры памяти, Ассман не только анализирует традиционные для исследований памяти соотношения понятий «индивидуальная память» – «коллективная память», «индивидуальная память» – «социальная

память» и «индивидуальная память» – «культурная память», но и вводит новые оппозиции. Среди них – «память победителей» (*Siegergedächtnis*) и «память побежденных» (*Verlierergedächtnis*), а также «память жертв» (*Opfergedächtnis*) и «память преступников» (*Tätergedächtnis*) [Там же, 65, 74]. Тем самым Ассман переводит рассуждение в плоскость нравственности: она строит свою концепцию культуры памяти вокруг этических категорий, в том числе категории вины.

Рассматривая взаимоотношения победителей и побежденных, Ассман отмечает, что «о победах вспоминается легче, чем о поражениях», но это не значит, что национальная память состоит только из воспоминаний о «славных победах», наоборот, «при определенных условиях центральными событиями национальных коммемораций могут стать и поражения» [Там же, 65-66]. В связи с существованием этих двух разновидностей памяти Ассман задается вопросом о том, как в таком случае можно преодолеть прошлое. Часто доминирующей в национальном самосознании является либо память победителей, либо память побежденных. Такую ситуацию Ассман называет «асимметрией памяти». Пока в обществе сохраняется подобная асимметрия, «триумф победителей продолжает угнетать побежденных», значит, для преодоления прошлого необходимо восстановить симметрию памяти, чтобы «обе противоборствующие стороны сумели включить свое противоположное видение событий в общий контекст более высокого уровня» [Там же, 73].

Другая оппозиция, которую Ассман рассматривает в контексте современной немецкой культуры памяти, – взаимоотношение «памяти жертв» и «памяти преступников». Эту оппозицию Ассман берет из криминологии, отмечая, что использование категорий «жертва» и «преступник» в отношении истории было нехарактерно до Второй мировой войны. Главным отличием двух оппозиций, по мнению Ассман, становится все та же категория симметрии: можно восстановить симметрию памяти в отношениях «победитель – побежденный», но это не произойдет между «жертвами» и «преступниками», для которых характерна «...асимметрия превосходящей силы и полного бессилия...» [Там же, 76].

Возвращение опыта жертв, «подавленных и забытых историей», в национальное самосознание Ассман называет решающим этическим поворотом в развитии культуры памяти. В связи с этим не менее важными в исследовании феномена немецкой *Erinnerungskultur* становятся понятия «замалчивание» (*Beschweigen*), «забывание», или «забвение» (*Vergessen*), «скорбь» (*Trauer*), «травма» (*Trauma*), которые, по мнению Ассман, характеризуют различные этапы становления и развития культуры памяти в Германии [Там же, 98, 104, 110, 115].

Разрабатывая эту тему в последующих работах, Ассман доработала понятие «травматического прошлого», выделив четыре его модели: 1) диалогическое забвение; 2) помнить, чтобы никогда не забывать; 3) помнить ради преодоления; 4) диалогическое памятование [Ассман, 2016, 104]. Затем Ассман более подробно исследовала категорию забвения: выделила несколько техник забвения (стирание, прикрытие, сокрытие, умолчание, переписывание (палимпсест), игнорирование, нейтрализация, отрицание, утрата) и семь его форм: 1) автоматическое; 2) берегающее; 3) селективное; 4) карающее и репрессивное; 5) охранительное; 6) конструктивное; 7) терапевтическое [Ассман, 2019, 28-58].

Ассман также обращает внимание на роль поколений в развитии культуры памяти: «Воспоминания обитают не только в особой социальной среде, но и в специфическом временном горизонте. Этот горизонт в основном определяется сменой поколений» [Ассман, 2014, 22]. По ее словам, цезура возникает спустя 80-100 лет, когда становится невозможным непосредственное общение с ними. Цезура включает в себя «память трех поколений» –

поколения «отцов» (непосредственные участники событий), «детей» и «внуков» (они не являются непосредственными участниками событий, но «включают часть воспоминаний старших членов семьи в состав собственного опыта» [Там же]).

Алейду Ассман интересует не только теоретическая сторона исследования культуры памяти, но и ее частные проявления (память о наиболее болезненных, травматических событиях мировой истории XX в. – о Первой мировой войне, геноциде армян, Холокосте, распаде Советского Союза). Однако ключевым для современной немецкой культуры памяти событием А. Ассман считает Вторую мировую войну, а также ряд исторических событий, связанных с ней (Холокост, бомбардировки, изгнания). Именно на примере национальной памяти о этих событиях Ассман строит свою теорию культуры памяти.

Ведущую роль памяти о Второй мировой войне в формировании немецкой культуры памяти отмечают и другие немецкие исследователи, например историк Бернд Фауленбах, профессор Рурского университета в Бохуме. Фауленбах выделял четыре тенденции, характеризующие современную немецкую культуру памяти: 1) господствующую позицию занимает память о Второй мировой войне; 2) преобладает «негативная память», хотя воспоминания о национальных победах, достижениях и подвигах все же включены в национальную память; 3) немецкая национальная культура памяти многослойна, неоднородна, сложна по своей структуре – в нее входит множество частных культур памяти; 4) немецкая культура памяти не может быть оторвана от культур памяти других государств и всей Европы [Faulenbach, 2009, www].

Фауленбах отмечает, что проявления немецкой культуры памяти можно найти даже в повседневной жизни: по всей стране расположено множество «мест памяти» (музеи, памятники, мемориальные комплексы и т. д.), хотя Фауленбах подчеркивает, что в Германии нет единого места, которое могло бы стать сосредоточением национальной культуры памяти. Другой пример – в Германии отмечается немало памятных дат: 3 октября – день германского единства; 27 января – день памяти жертв национал-социализма; 8 мая – день окончания Второй мировой войны; 9 ноября – день падения Берлинской стены, день отречения кайзера Вильгельма II от престола в 1918 г. и день еврейских погромов 1938 г. («хрустальная ночь») [Ibidem].

Проявления культуры памяти в общественно-политической жизни Германии

Развитие феномена культуры памяти в Германии происходит не только в научных исследованиях, но и в общественно-политической жизни. Немецкое общество в первую очередь волнуют проработка и осмысление событий XX в., особенно немецкой истории после 1933 г., хотя Первая мировая война и ее последствия также немаловажны для немецкой культуры памяти. Сегодня вопрос об осмыслении прошлого в Германии рассматривается по отношению к национал-социализму, также ведется осмысление прошлого ГДР и диктатуры СЕПГ в Восточной Германии, хотя влияние истории ГДР на формирование немецкой культуры памяти не так значительно [Ассман, 2016; Faulenbach, 2009, www].

Сегодня в Германии действует более 100 мемориалов и мемориальных комплексов, музеев, информационных, образовательных и исследовательских институтов и фондов, занимающихся осмыслением национал-социалистического прошлого Германии. С 1990-х гг. стали создаваться и многочисленные учреждения, связанные с историей ГДР и осмыслением диктатуры СЕПГ. Для систематизации данных о подобных организациях представительство Фонда Конрада

Аденауэра в России подготовило в 2018 г. издание, посвященное культуре памяти о двух «немецких диктатурах» XX в. В первой части собраны статьи немецких экспертов, выступавших на семинарах Фонда в 2016-2017 гг. (д-р Клеменс Фолльнхальс, д-р Хельге Хайдемайер, Вера Ленгсфельд, проф. д-р Ханс-Йоахим Феен), во второй – дан перечень общественных организаций, институтов, фондов и проектов, которые занимаются сохранением памяти и осмыслением прошлого в Германии.

В перечень вошли мемориалы и мемориальные комплексы (мемориальные комплексы Бухенвальд, «Концлагерь Флоссенбург», «Концлагерь Дахау», «Берлинская стена», «Дом Ванзейской конференции»; мемориалы Берген-Бельзен, Плетцензее, мемориал германского Сопротивления, мемориал «Штилле Хельден» и др.), памятники (убитым евреям Европы, убитым в период нацизма синти и рома Европы и др.), музеи («Мастерская слепых Отто Вайдта», Музей Стены – музей «Дом у Чекпойнт Чарли» и др.), фонды («Память Ульма», «Памятник убитым евреям Европы», «Память, ответственность и будущее» (EVZ), «Саксонские мемориалы», Эттерсберг, фонд и документационный центр «Топография террора» и др.), а также различные проекты, документационные и образовательные центры, институты и ведомства (Федеральный центр гражданского образования, документационный центр «Райхспартайтагсгеленде» в Нюрнберге, Центр изучения Холокоста при Институте современной истории Мюнхен – Берлин, Отдел литературы Холокоста при Институте германистики Гиссенского университета, Институт исследования тоталитаризма имени Ханны Арендт при Дрезденском техническом университете, Общество имени Роберта Хавемана (Архив оппозиции ГДР), Союз объединений жертв коммунистического террора и др.).

Особое место в системе немецких «мест памяти» и общественных организаций по осмыслению прошлого занимают мемориальные (мемориально-образовательные, мемориально-документационные и др.) комплексы – здесь мы видим, что культура памяти в современной Германии беспокоит не только исследователей и представителей гражданского общества, но и политические силы. С 1993 г. в ФРГ действует федеральная концепция работы мемориальных комплексов, за прошедшие десятилетия она претерпела изменения, и сегодня в силе третья редакция этого документа.

Концепция регулирует возможность получения мемориальными комплексами федерального финансирования, а также «подчеркивает стремление государства и дальше поддерживать и укреплять децентрализованный и плюралистический характер организации мемориальной работы, сохранение управления мемориалов в ведении как профессиональных, так и добровольных организаций, уважение к многообразию их форм и к их независимости от политических директив» [Смолина, 2018, 89]. При этом в третьей редакции концепции подчеркивается, что при решении вопроса о финансировании учитываются различные факторы: «...если мемориалы... активно привлекают к своей работе жертв и свидетелей диктатур, а также научное сообщество и гражданское общество... сотрудничают со школами и другими просветительскими, образовательными, а также научно-исследовательскими и музейными учреждениями...» [Там же].

Стоит уточнить, что проведение политики памяти и участие государства в формировании современной культуры памяти в Германии происходят не только на федеральном уровне, но и на земельном. К задачам государственной политики памяти, решаемым на государственном уровне, относятся законотворческая деятельность, финансирование проектов и организаций, создание федеральных концепций развития «мемориального ландшафта» Германии. Анна Смолина подчеркивает, что организация осмысления прошлого входит в обязанности

уполномоченного федерального правительства по вопросам культуры и СМИ [Там же, 75]. Но основная деятельность по формированию культуры памяти, осмыслению прошлого, в том числе критическому осмыслению диктатур, осуществляется регионами: в ведении федеральных земель находятся такие вопросы, как образование (школьное и университетское), реабилитационная работа, поддержка мемориалов и других организаций и проектов.

Заключение

Осмысление прошлого в Германии не может быть задачей, реализуемой исключительно научным сообществом, гражданским обществом или политическими организациями и институтами. Эта работа ведется на пересечении различных сфер, совместно. Как отмечает координатор проектов Фонда Конрада Аденауэра в Российской Федерации Анна Смолина, «даже такое мощное гражданское общество, как германское, вряд ли справилось бы в этом деле без государства, его финансовой, организационной и концептуальной поддержки, его политической воли, а также ресурсов, имеющих у федеральной и региональной исполнительной власти» [Там же, 74]. Однако и государство, активно проводящее политику памяти, не смогло бы в одиночку справиться с поставленной задачей без содействия общественных институтов.

Фонд «Память, ответственность и будущее» (Stiftung Erinnerung, Verantwortung und Zukunft, EVZ) совместно с Институтом междисциплинарного исследования конфликтов и насилия (IKG) Билефельдского университета ежегодно проводит исследование MEMO-Studie (Multidimensionaler Erinnerungsmonitor, «Многомерный монитор памяти»), которое проверяет «состояние и развитие культуры памяти в Германии». Результаты последнего MEMO-Studie свидетельствует о «хорошо функционирующей» культуре памяти в Германии и указывают на «повышение чуткости по отношению к дискриминации», на «более активное противодействие ей [дискриминации] как на индивидуальном уровне, так и на уровне всего общества». При этом авторы исследования подчеркивают, что результаты исследования могут также отражать «нормативные и налагаемые обществом идеальные представления о критическом рассмотрении истории национал-социализма» [MEMO-Studie 2021, www].

Вне зависимости от того, являются ли эти результаты свидетельством высокого уровня немецкой культуры памяти и позитивного национального самосознания в вопросах осмысления прошлого или это отражение идеалистических представлений о той культуре памяти, которая в итоге должна быть сформирована, авторам MEMO-Studie представляется необходимым «постоянно и самокритично спрашивать себя о том, находят ли и в какой степени находят индивидуальные и общественные “уроки” прошлого выражение в конкретных действиях» [Ibidem].

Библиография

1. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 36-45.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
3. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
4. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Бегунова Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 39. С. 53-60.

7. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2013. Т. 1. Ч. 2. 476 с.
8. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17-50.
9. Смолина А. Государственная политика памяти и осмысление прошлого германским обществом // Отношение к прошлому. Осмысление Германией двух ее диктатур. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 74-92.
10. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27.
11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.
12. Cornelißen C. Erinnerungskulturen, Version: 2.0. URL: https://docupedia.de/zg/Erinnerungskulturen_Version_2.0_Christoph_Cornelißen
13. Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen // Einführung in die Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven. Stuttgart: J.B. Metzler, 2008. S. 156-185.
14. Faulenbach B. Die Erinnerungskultur Deutschlands // Urbane Erinnerungskulturen im Dialog: Berlin und Buenos Aires. Berlin, 2009. URL: https://publications.iai.spk-berlin.de/servlets/MCRFileNodeServlet/iai_derivate_00000079/Urbane%20Erinnerungskulturen%20im%20Dialog_Berlin_Buenos%20Aires_037-046.pdf
15. Hockerts H.G. Zugänge zur Zeitgeschichte: Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft // Verletztes Gedächtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt. Frankfurt am Main: Campus Fachbuch, 2002. S. 39-73.
16. MEMO-Studie 2021. URL: https://www.stiftung-evz.de/fileadmin/user_upload/EVZ_Uploads/Publikationen/evz-memo_fokus_ru.pdf
17. Warburg A. Bilderatlas Mnemosyne. Berlin, 2000. 183 S.

The phenomenon of *Erinnerungskultur* in Germany: the formation, the history of development, the current state

Kira A. Myasnikova

Postgraduate at the Department of the German language and culture,
Lomonosov Moscow State University,
Lecturer of the Department of cultural policy management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kiramyasnikova@gmail.com

Abstract

The article aims to study the phenomenon of modern German memory culture, otherwise known as *Erinnerungskultur*. It deals with the following questions: What is *Erinnerungskultur*? How has German memory culture been formed? In what ways does it manifest itself in modern German society? The article examines the most prominent and widespread definitions of the term *Erinnerungskultur* and touches upon the history and development of German memory culture – both as a scientific term and as a sociocultural and political phenomenon. It overviews key works in the memory studies field that deal with the concept of memory culture – F. Nietzsche’s *Untimely Meditations*, M. Halbwachs’ *Social Frameworks of Memory*, J. Assmann’s *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*, A. Assmann’s works on *Erinnerungskultur*, etc. – and discusses modern German memory culture, its place in everyday life of the German society and connection to the state memory policy in Germany, as well as the main directions in theoretical research on the *Erinnerungskultur* concept in German and European humanities. The author of the article comes to the conclusion that understanding the past in Germany cannot be a task implemented exclusively by the scientific community, civil society or political organizations and institutions: this work is carried out at the intersection of various spheres.

For citation

Myasnikova K.A. (2022) Fenomen *Erinnerungskultur* v Germanii: stanovlenie, istoriya razvitiya, aktual'noe sostoyanie [The phenomenon of *Erinnerungskultur* in Germany: the formation, the history of development, the current state]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (1A), pp. 82-92. DOI: 10.34670/AR.2022.57.95.009

Keywords

Memory studies, *Erinnerungskultur*, memory culture, culture of historical memory, German memory culture.

References

- Adorno T. (2005) Chto znachit "prorabotka proshlogo"? [What does working through the past mean?] *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2-3, pp. 36-45.
- Assmann A. (2013) *Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention*. München. (Russ. ed.: Assmann A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.)
- Assmann A. (2006) *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München. (Russ. ed.: Assmann A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.)
- Assmann A. (1999) *Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit: vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945*. Stuttgart. (Russ. ed.: Assmann A. (2019) *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.)
- Assmann J. (1992) *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München. (Russ. ed.: Assmann J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ.)
- Begunova E.A. (2017) K opredeleniyu ponyatiya kul'turnoi pamyati v zarubezhnoi gumanitaristike [On the definition of the concept of cultural memory in foreign humanities]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 39, pp. 53-60.
- Cornelißen C. *Erinnerungskulturen, Version: 2.0*. Available at: https://docupedia.de/zg/Erinnerungskulturen_Version_2.0_Christoph_Cornelißen [Accessed 21/01/22].
- Erl A. (2008) Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. In: *Einführung in die Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven*. Stuttgart: J.B. Metzler, S. 156-185.
- Faulenbach B. (2009) Die Erinnerungskultur Deutschlands. In: *Urbane Erinnerungskulturen im Dialog: Berlin und Buenos Aires*. Berlin. Available at: https://publications.iai.spk-berlin.de/servlets/MCRFileNodeServlet/iai_derivate_00000079/Urbane%20Erinnerungskulturen%20im%20Dialog_Berlin_Buenos%20Aires_037-046.pdf [Accessed 21/01/22].
- Halbwachs M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2-3, pp. 8-27.
- Halbwachs M. (1994) *Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris. (Russ. ed.: Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati*. Moscow.)
- Hockerts H.G. (2002) Zugänge zur Zeitgeschichte: Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft. In: *Verletztes Gedächtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt*. Frankfurt am Main: Campus Fachbuch, S. 39-73.
- MEMO-Studie 2021*. Available at: https://www.stiftung-evz.de/fileadmin/user_upload/EVZ_Uploads/Publikationen/evz-memo_fokus_ru.pdf [Accessed 21/01/22].
- Nietzsche F. (2013) *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.], Vol. 1-2. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.
- Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [The problems of sites of memory]. In: *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. St. Petersburg, pp. 17-50.
- Smolina A. (2018) Gosudarstvennaya politika pamyati i osmyslenie proshlogo germanskim obshchestvom [The state policy of memory and the understanding of the past by German society]. In: *Otnoshenie k proshlomu. Osmyslenie Germaniei dvukh ee diktatur* [The attitude to the past. Germany's understanding of its two dictatorships]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 74-92.
- Warburg A. (2000) *Bilderatlas Mnemosyne*. Berlin.